

Юрий Козлов

г. Москва

Скажи мне, что ты читаешь...

В последнее время школьные программы вновь стали предметом дискуссий. Речь идёт о включении в них таких авторов, как Николай Островский («Как закалялась сталь»), Борис Полевой («Повесть о настоящем человеке»), Юрий Бондарев («Горячий снег»), других произведений, воспевающих отвагу и мужество советского че-

ловека. Это можно только приветствовать, особенно если учитывать сложную ситуацию, в какой оказалась Россия, в одночасье круто изменившая векторы своего развития, вступившая в борьбу с деградирующим, но пока ещё сильным и не желающим ни в чём уступить коллективному Западом.

Школьные программы по литературе вольно или невольно отражают состояние общества – его идеологию, историю, нравственные ориентиры, образы будущего. По включённым в программы произведениям можно судить о том, какими вырастут сегодняшние ученики, какие идеалы усвоят, как будут относиться к своей стране. В постсоветской России эти программы долгое время были площадкой для продвижения либеральных идей европейской (болонской) системы образования. Они воспитывали не созидателя и труженика, а «квалифицированного потребителя» образовательных и, добавим от себя, литературных «услуг». Возражавшим против такого подхода педагогам в системе места не было. В разных разделах школьных программ присутствовали: Виктор Пелевин, Владимир Сорокин, Дмитрий Быков, Гузель Яхина, Линор Горалик, Светлана Алексиевич, Людмила Улицкая, другие, относящиеся к либеральному направлению в отечественной словесности авторы.

Местом «слома копий» на «фронте» школьных программ стал «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына. Исключение этого (спорного и необъективного, по мнению многих исследователей) произведения из обязательного школьного чтения станет «моментом истины» в обновлении идеологических постулатов, обозначит частичный возврат к советской эстетике, вернёт героику и романтику СССР в позитивный исторический актив страны. Поэзия, проза, музыка, трагедийный и созидательный дух двух десятилетий после октябрьской революции 1917 года воспитали поколение, одержавшее победу в Великой Отечественной войне. Слом эпох всегда рождает новую культуру, меняет жизнь народа, сносит прежние представления и идеалы. Сегодня об этом говорить преждевременно, но и пренебрегать историческим опытом не следует.

Сила любого общества и государства проявляется в продуманности системы образования, где литература занимает важнейшее место. Национальная классика – сокровищница единой (внеклассовой и внесловной) народной культуры, зеркало, где отражаются психология и нравственные представления народа о жизни. Они куда более глубокие, фундаментальные

Юрий Вильямович Козлов родился в 1953 г. в Великих Луках. После окончания Московского полиграфического института служил в армии на Чукотке. Затем работал в журналах «Юность», «Огонёк», газете «Россия». С 1995 по 2001 годы работал в пресс-службе Государственной Думы. В 2005–2011 годах возглавлял пресс-службу Совета Федерации. В настоящее время главный редактор «Роман-газеты». Известный российский писатель, автор многих книг прозы, лауреат престижных литературных премий. Автор романов: «Колодец пророков», «Почтовая рыба», «Враждебный портной»; повестей: «Геополитический романс», «Коридор». Произведения Козлова переведены на многие иностранные языки. Живет в Москве.

и инерционные, нежели стоящая над ними в данный момент политическая надстройка. Крепость, основательность надстройки определяется, помимо прочего, её близостью к культуре народа. «Скажи мне, что ты читаешь, и я тебе отвечу, кто ты», так можно сформулировать тест на адекватность управляющего страной класса или прослойки. Можно включить в школьную программу Николая Островского, Бориса Полевого, Константина Симонова, Алексея Толстого, Михаила Шолохова, Юрия Бондарева, Валентина Распутина, Василия Белова, Виктора Лихоносова. Александра Проханова, Владимира Крупина, Владимира Личутина, но их произведения «заиграют», легко и естественно войдут в сознание подрастающих поколений только в том случае, если будут совпадать с повседневными мировоззренческими, социальными, экономическими реалиями в стране. Практика жизни должна хотя бы отчасти соответствовать идеалам, которые предлагается принять на веру «обдумывающим житьё» юношам и девушкам. Иначе школьные программы не сработают. Чтение как массовый социальный процесс должно модерироваться и направляться применительно к идеальному типу гражданина, который в трудное время не предаст, не убежит, но примет на себя ответственность за судьбу государства.

Пока нет ясности, переживает ли страна глубинные тектонические сдвиги в идеологии, культуре, экономике, общественной жизни, или же речь идёт о надстроечной суете, хлестаковской «лёгкости в мыслях необыкновенной», когда предлагают «исправлять» в известных фильмах образы героев, сыгранные «не теми» артистами, стерилизовать язык от иностранных заимствований. Никто не спорит, такие уродцы, как «питчинг», «коворкинг», «бодибилдинг», «шопинг» должны изгоняться. Можно вспомнить (кстати, известного либерала и западника) Виссариона Белинского: «Употреблять иностранное слово, когда есть равносильное ему русское слово – значит, оскорблять здравый смысл и здравый вкус». Но ведь нельзя не признать, что нашествие англицизмов объясняется нашим отставанием в современных технологиях, а также почти тридцатилетней экономической и культурной «вторичностью» России по отношению к Западу. Тем не менее прогресс в общественном сознании очевиден. Ведь ещё недавно родители писали коллективные обращения с просьбой исключить из школьных программ Льва Толстого, Николая Лескова, Максима Горького, заменить их Дарьей Донцовой и Джоан Роулинг (автором романов о Гарри Поттере).

Сейчас много говорится о том, что «государство возвращается в культуру», начинает серьёзно заниматься воспитанием подрастающих поколений. Возможно, так и есть, но все издательства в стране остаются частными. Их цель – обеспечить максимальную прибыль владельцам, а вовсе не учитывать интересы потянувшегося к традиционным духовным национальным ценностям государства. Они не спешат продвигать неходовую, по их мнению, современную отечественную литературу. Полки книжных магазинов по-прежнему заполнены произведениями второстепенных, но дающих «кассу» иностранных авторов. Сегодня их даже стало больше, поскольку в книжном деле энергично заработал параллельный (российской литературе) импорт. Где раньше был «перевод», теперь появился «пересказ», облегчающий возникшие трудности, связанные с отказом многих зарубежных авторов от лицензирования своих произведений в пребывающей под санкциями России. Массовый читатель, как и во времена Некрасова, несёт с базара (из книжного магазина) «милорда глупого», а не «Белинского и Гоголя». Самым издаваемым в России писателем в прошлом году оказался Стивен Кинг. В литературе для детей по тиражам лидером стал Корней Чуковский. Современные авторы не сумели потеснить сочинённых сто лет назад «Муху-Цокотуху», «Мойдодыра» и «Тараканище».

Объявленная «патриотизация» школьного чтения рискует остаться холостым выстрелом, если не будут исправлены сложившиеся предпочтения массового читателя. Превратить коммерческого Савла в патриотического Павла вполне возможно и рыночными методами: ввести акцизы на низкокачественную переводную литературу, возродить государственные издательства и предоставить им дотации, чтобы книги правильного (прежде всего в художественном плане) содержания выглядели стильно и стоили дёшево. Читательский интерес подобен воде.

Рано или поздно он неизбежно вливается в приготовленную для него ёмкость. Задача государства – чётко сформулировать цель и подобрать кадры, которые «решают всё». Изменения в школьных программах – важное, но далеко не единственное звено в длинной цепи, изрядно заржавевшей и истончившейся в минувшее тридцатилетие культурной политики. Вытаскивать и очищать цепь от ржавчины всё равно придётся.

